

Алистер Маклин

КУКЛА НА ЦЕПОЧКЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 15

Alistair MacLean

PUPPET ON A CHAIN

First published in Great Britain by Collins 1969

Copyright © HarperCollinsPublishers 1969

FLOODGATE

First published in Great Britain by William Collins Sons & Co. Ltd 1983

Copyright © Alistair MacLean 1983

WHEN EIGHT BELLS TOLL

First published in Great Britain by Collins 1966

Copyright © Devoran Trustees Ltd 1966

SANTORINI

First published in Great Britain by Collins 1986

Copyright © HarperCollinsPublishers 1986

Alistair MacLean asserts the moral right to be identified as the author
of these works

All rights reserved

Перевод с английского

Геннадия Корчагина, Елены Гуляевой,
Светланы Сиховой, Оксаны Степашкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Карта выполнена Юлией Каташинской

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2025

© Е. В. Гуляева, перевод, 2003

© С. З. Сихова, перевод, 2025

© О. М. Степашкина, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2025

Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25748-1

КУКЛА НА ЦЕПОЧКЕ

ГЛАВА 1

— Через несколько минут наш самолет совершит посадку в Амстердаме, в аэропорту Схипхол. — Голландская стюардесса объявила это медовым, начисто лишенным акцента голосом — точно такие же голоса звучат на десятке европейских авиалиний. — Будьте любезны, пристегните ремни и погасите сигареты. Мы надеемся, что полет доставил вам удовольствие, и уверены, что вам понравится пребывание в Амстердаме.

В пути я перекинулся со стюардессой парой слов. Как оказалось, эта обаятельная девушка смотрит на жизнь с неоправданным оптимизмом. По крайней мере дважды я с ней не согласился: полет не доставил мне никакого удовольствия, и я не жду, что мое пребывание в Амстердаме будет приятным. Что касается авиарейсов, то вот уже два года они для меня суцная пытка — с того дня, когда у «Дугласа DC-8» через считанные секунды после взлета заклинило моторы и мне открылись две истины: лишенный тяги реактивный лайнер имеет те же свойства планирования, что и бетонный блок, а пластические операции бывают очень долгими, очень болезненными, очень дорогими и не очень успешными. Что касается Амстердама, то это, пожалуй, самый красивый город в мире с самыми дружелюбными жителями. Проблема всего лишь в том, что характер моих командировок за границу автоматически исключает возможность получать удовольствие от общения с кем бы то ни было.

Когда громадный «DC-8» благополучно опустился на землю (я не суеверный, но любой самолет может рухнуть с неба), я оглядел его переполненный салон. Похоже, большинство пассажиров разделяли мое мнение насчет дикой абсурдности полетов. Кто не пытался продырявить ногтями обивку, тот либо демонстрировал чрезмерную беспечность, откинувшись в кресле, либо возбужденно

болтал, подражая храбрецам, что с язвительной улыбкой на устах весело махали ликующей толпе, катясь в тамбриле к гильотине.

Короче говоря, довольно показательный срез человечества. Определенно законопослушные граждане. Никоем образом не злодеи. Ничем не примечательные обыватели.

Или я несправедлив к ним? В части непримечательности? Чтобы позволять себе подобные уничижительные эпитеты, надо располагать критериями сравнения, оправдывающими применение таковых.

В этом отношении большинству пассажиров не повезло: на борту находились двое, в присутствии которых любой бы выглядел непримечательным.

Они сидели по другую сторону прохода и в третьем ряду позади моего. Я стоял и смотрел на них. И вовсе не потому, что желал привлечь к себе внимание окружающих. Ведь большинство мужчин, в чьих пределах видимости находилась эта парочка, с момента вылета из аэропорта Хитроу только и делали, что глазели на нее. Не глазеть на нее — вот почти безотказный способ привлечь к себе внимание окружающих.

Просто две девушки сидят рядом. Двух девушек, сидящих рядом, можно найти практически где угодно, но чтобы найти вот такую пару, вам придется потратить лучшие годы жизни. Одна с шевелюрой цвета воронова крыла, у другой локоны платиновые с отливом. Одеты легко, в платья мини: брюнетка — в белое шелковое, блондинка — в черное. И у каждой потрясающая фигура, со всей убедительностью демонстрирующая, сколь далеко ушли вперед немногие избранные представительницы женского пола со времен Венеры Милосской.

Да, они умопомрачительно красивы, но не той пустой, банальной красотой, что побеждает на конкурсах «Мисс мира». Они удивительно похожи друг на друга, у каждой утонченная костная структура тела и безупречные черты лица, и несомненный отпечаток интеллекта на этом лице, которое сохранит красоту и через двадцать лет после того, как увядшие мисс мира оставят попытки выиграть неравное состязание.

Блондинка улыбнулась мне, и это была улыбка дерзкая и вызывающая, но вместе с тем дружелюбная. Я ответил бесстрастным взглядом, и поскольку малоопытный пластический хирург не совсем удачно совместил стороны моего лица, выражение этого лица тоже наверняка не располагало к общению; но ее улыбка не исчезла. Брюнетка пихнула блондинку локотком; та отвернулась от ме-

ня, увидела осуждающую хмурость компаньонки и прекратила улыбаться. Я отвел глаза.

До начала взлетно-посадочной полосы оставалось меньше двухсот ярдов; и чтобы не воображать, как у самолета отваливается шасси, едва коснувшись асфальта, я откинулся в кресле, закрыл глаза и стал думать о девушках. Уж в чем меня точно нельзя упрекнуть, так это в том, что я подбираю себе кадры без учета некоторых эстетических аспектов бытия. Брюнетке Мэгги двадцать семь, и она работает со мной уже более пяти лет. Умна почти до гениальности, методична, кропотлива, осмотрительна, надежна и почти никогда не ошибается. В нашей профессии не бывает людей, которые вообще не совершают ошибок.

Что еще важнее, мы с Мэгги нравимся друг другу, причем уже не первый год. Эта обоюдная симпатия — без преувеличения гарантия того, что кратковременная утрата обоюдной веры и взаимозависимости не повлечет за собой крайне неприятные и долговременные последствия. Впрочем, она и не настолько слепа, чтобы однажды привести к катастрофе.

Белинда, двадцатидвухлетняя светловолосая парижанка, полуфранцуженка-полуангличанка, получившая свое первое оперативное задание, была для меня практически неизвестной величиной. Не загадкой, а просто незнакомкой. Когда Сюрте отдает в ваше распоряжение своего сотрудника, вы заодно получаете безупречной полноты досье на этого человека — ни один значимый факт из биографии не бывает упущен. В личном плане мне пока удалось выяснить только одно: ей явно не хватает уважения, если не сказать — безмерного восхищения, которое молодые полицейские должны питать к начальникам, особенно к старым профессионалам, каковым в данном случае являюсь я. Но ее сообразительность вкупе с уверенностью в себе с лихвой перевешивают любые сомнения, которые она может иметь в отношении своего шефа.

Обе девушки никогда раньше не посещали Голландию, и это одна из главных причин, по которым они сопровождают меня. Кроме того, милые молодые особы в нашей непривлекательной профессии встречаются реже, чем шубы в Конго, а значит, они не должны вызывать подозрений у наших нечестивых врагов.

«ДС-8» уже катил по земле, шасси остались целыми и невредимыми, поэтому я открыл глаза и переключился на мысли о делах более насущных. Дюкло. Джимми Дюкло ждет в аэропорту Схипхол. Джимми Дюкло должен сообщить мне что-то важное и срочное.

Слишком важное, чтобы отправить, пусть даже шифром, по обычным каналам связи. Слишком срочное, чтобы дожидаться дипкурьера из нашего посольства в Гааге. Я не пытался угадать, что это за сведения — всяко узнаю через пять минут. И не было ни малейших сомнений в их достоверности. У Дюкло безупречные источники информации, а сама информация всегда стопроцентно точна. Джимми Дюкло никогда не совершал ошибок — по крайней мере, ошибок в такого рода делах.

Самолет тормозил, и в иллюминаторе уже виднелся телетрап, тянувшийся от главного здания к нашему люку. Я отстегнул ремень безопасности, встал, скользнул пустым, непризнающим взглядом по Мэгги и Белинде и направился к выходу, не дожидаясь полной остановки борта. Этот маневр не одобряют хозяева авиакомпаний, а в данном случае не одобрили и пассажиры, которые, судя по их лицам, сочли меня заносчивым хамом, не желающим дожидаться своей очереди вместе со скромным и долготерпеливым обществом.

Да пусть думают что хотят. Я давно смирился с мыслью, что популярность — не мой удел.

Правда, мне улыбнулась стюардесса, но это не было данью уважения внешности или манерам. Человек может улыбнуться другому человеку, будучи удивленным, или встревоженным, или по другим причинам. Всякий раз, когда я сажусь в самолет (за исключением отпусков, что бывает этак раз в пять лет), я вручаю стюардессе небольшой запечатанный конверт для передачи командиру воздушного судна, а командир, как и любой мужчина, старается расположить к себе симпатичную девушку, вот и раскрывает ей содержание документа, то бишь список моих привилегий в любых обстоятельствах — совершенно бесполезных привилегий, за исключением обязанности предоставлять мне по первому требованию обед, ужин и обслуживание в баре. Хотя нет, есть еще одна привилегия, совершенно необходимая, которой, кроме меня, пользуются несколько моих коллег, — дипломатический иммунитет от таможенного досмотра. Очень полезная штучка, поскольку в моем багаже обычно лежит пара надежных пистолетов, маленький, но весьма толково подобранный комплект инструментов взломщика и еще кое-какие сомнительной моральности вещицы, не из тех, на которые сквозь пальцы смотрят иммиграционные власти развитых стран. Я никогда не прошу оружие на борт, поскольку уснувший человек может случайно продемонстрировать плечевую кобуру попутчику и тем самым спрово-

цировать ненужный переполох. А уж палить в герметичном салоне современного самолета станет только безумец. Этим и объясняются поразительные успехи угонщиков воздушных судов: как правило, результаты эксплозии крайне неприятны.

Открылся люк, и я вышел в гофрированную трубу, где вдоль стенки в вежливых позах застыли два или три человека из obsługi аэропорта. Прошагав по трапу, я оказался в терминале; здесь два параллельных траволатора доставляли пассажиров в иммиграционную зону и обратно.

У конца движущейся вглубь терминала ленты лицом ко мне стоял человек. Среднего роста, худой и совсем не красавец. У него были темные волосы, изборожденное морщинами смуглое лицо, черные холодные глаза и тонкая щель рта: не обрадовался бы я, вздумай подобный типчик приударить за моей дочерью. Зато одет он был вполне респектабельно, в черный костюм и черное же пальто, а еще имел при себе большую и явно новую дорожную сумку — хотя, конечно, ее нельзя причислить к признакам респектабельности.

На самом деле меня несколько не волновали несуществующие ухаеры несуществующих дочерей. Я уже прошел достаточно, чтобы видеть всю ленту, ползущую в моем направлении. На ней стояли четверо, и первого из них — высокого, худого, в сером костюме, с усами и всеми внешними признаками преуспевающего бухгалтера — я узнал сразу. Джимми Дюкло. Первая мысль: он считает свою информацию исключительно важной и срочной, раз отправился в неблизкий путь ради встречи со мной. Вторая мысль: должно быть, он подделал полицейский пропуск, чтобы пересечь весь терминал. Вполне логичное предположение, поскольку он отменный фальсификатор. Третья мысль побуждала вежливо помахать ему и дружелюбно улыбнуться, что я и сделал. Он помахал и улыбнулся в ответ.

Улыбка длилась лишь секунду — и сменилась гримасой ужаса. А я уловил — почти подсознательно, — как чуть-чуть сместилось направление его взгляда.

Я стремительно обернулся. Смуглый мужчина в черном костюме и черном пальто уже не стоял спиной к пассажирскому конвейеру. Он развернулся кругом, а сумка, прежде свисавшая с руки, теперь была зажата под мышкой.

Даже не успев понять, что происходит, я подчинился инстинкту и бросился на человека в черном. По крайней мере, начал бросок.

Но мне потребовалась долгая секунда, чтобы отреагировать, а смуглый молниеносно — и это не метафора — доказал, что секунда — достаточный срок для совершения задуманного им насильственного действия. Он был готов, а я — нет; и он оказался докой по части насильственных действий. Едва я рванулся к нему, как он проделал свирепый замах на четверть круга и врезал мне краем сумки под ложечку.

Дорожные сумки обычно мягкие, но обычно — не значит всегда. Я никогда не попадал под удар сваебойной машины и надеюсь никогда не попасть, но в тот момент познал, каково это в ощущениях. Я рухнул на пол, словно чья-то огромная лапища подсекла мне ноги. Причем не лишился чувств — видел, слышал и даже в какой-то мере осознал происходящее, но не мог пошевелиться, а ведь это единственное, чего я хотел. Мне доводилось слышать о параличе сознания в результате психологического шока, но впервые в жизни я был полностью парализован шоком физическим.

Казалось, все происходит в нелепой киносцене, воспроизводимой замедленно. Дюкло панически заозирался, но выбраться с траволатора не было никакой возможности. Позади сгрудились трое мужчин, и они, похоже, совершенно не замечали неладного; только позже, гораздо позже я сообразил, что эти люди были сообщниками человека в черном и стояли там для того, чтобы у Дюкло не было другого выбора, кроме как двигаться вместе с лентой вперед, навстречу смерти. Оглядываясь на прошлое, я понимаю, что это была казнь, своей дьявольской расчетливостью затмевающая все казни, о которых я наслушался на своем веку, а уж я знаю немало историй о людях, чья жизнь завершилась не так, как было задумано Создателем.

Я мог двигать глазами, что и делал. Мой взгляд добрался до сумки — из-под клапана на ее торце высунулся дырчатый цилиндр глушителя. Это и была «сваебойная машина», вызвавшая кратковременный паралич (я надеялся, что он и есть кратковременный), и удар был настолько силен, что оставалось лишь удивляться, почему ствол не согнулся буквой U.

Я посмотрел на мужчину, державшего пистолет. Его правая рука пряталась в сумке. На смуглом лице не отражалось ни удовольствия, ни предвкушения, лишь спокойная уверенность профессионала, знающего себе цену.

Бестелесный голос объявил о прибытии рейса KL-132 из Лондона, которым прилетели мы. Мелькнула смутная и неумест-

ная мысль, что этот номер я уже никогда не забуду. А впрочем, будь номер рейса любым другим, это бы не имело никакого значения, поскольку Дюкло обречен умереть, так и не встретившись со мной.

Я посмотрел на Джимми. У него был вид человека, приговоренного к смерти. Отчаяние на лице — но отчаяние спокойное, контролируемое. Он сунул руку под полу пиджака... Медленно, слишком медленно — мешала ткань. Трое мужчин за его спиной упали на движущуюся ленту, и только много позже до меня дошло, что это означало. Вот из-под полы вынырнул пистолет. Хлопок — и в левом лацкане возникло отверстие. Дюкло конвульсивно дернулся, а затем повалился ничком. Траволатор вынес на платформу мертвое тело, и оно покатилося к моему, парализованному.

Я никогда не смогу дать себе точный ответ, действительно ли мое полное бездействие в последние мгновения жизни Дюкло вызвано физическим параличом, или же меня лишила воли неминуемость его гибели. Нет, мучиться совестью не придется, ведь я был безоружен и ничем не мог помочь. Просто хотелось бы понять странный феномен: прикосновение к трупам вмиг действовало на меня оживляюще.

Чудесного выздоровления не случилось. Волнами накатывала дурнота, и, после того как прошел шок от удара, желудок заболел по-настоящему. Во лбу тоже сидела боль, причем вовсе не тупая, — наверное, я стукнулся головой при падении. Но мышцы уже подчинялись мозгу, и я осторожно поднялся на ноги — осторожно по причине тошноты и головокружения; я мог в любой момент снова против воли распластаться на полу. Весь терминал раскачивался самым пугающим образом, и я обнаружил, что плохо вижу, — должно быть, ушиб головы сказался на зрении, что опять же странно, поскольку оно работало вполне исправно, пока я лежал. Тут я понял, что слипаются веки, и ощупью определил почему: из раны в волосистой части головы лилась — как мне ошибочно показалось в тот момент, потоком — кровь.

«Добро пожаловать в Амстердам», — подумал я, доставая носовой платок.

Два прикосновения к глазам — и снова зрение по единице.

Все это от начала и до конца продолжалось не более десяти секунд, но вокруг уже столпились встревоженные люди, как всегда бывает в подобных случаях: внезапная смерть, особенно смерть насильственная, для зевак все равно что для пчел открытый горшок с медом. Мгновенное осознание существования того или другого

выманивает зрителей во впечатляющем количестве из мест, только что выглядевших лишенными всякой жизни.

Я не уделил зевакам внимания и так же поступил с Дюкло. Поскольку уже ничем не мог быть ему полезен, как и он — мне. Обыск его одежды ничего бы не дал: как и все хорошие агенты, Дюкло не записывал ничего важного на бумагу или магнитофонную пленку, а просто укладывал в тренированную память.

Смуглый мужчина в черной одежде и с пистолетом за это время вполне успел бы улизнуть, и только глубоко укоренившийся инстинкт, рутинный навык проверять даже непроверяемое заставил меня посмотреть в сторону иммиграционной зоны.

Убийца еще не скрылся. Он преодолел около двух третей пути к иммиграционной зоне, без спешки шагая по движущейся дорожке, небрежно помахивая сумкой и как будто не слыша суматохи позади себя. Мгновение я взирал на него оторопело... но лишь мгновение.

Вот так и должен уходить с места преступления профессионал.

На ипподроме в Аскоте опытный карманник, избавив джентльмена в сером цилиндре от бумажника, не помчится во всю прыть сквозь толпу под крики «Держи вора!», чтобы тут же и попасться; скорее он спросит у своей жертвы совета, на какую лошадь поставить перед очередным забегом. Непринужденная беспечность, абсолютная естественность поведения — вот почерк отличников преступного мира. Таким отличником оказался смуглый. Я был единственным свидетелем его злодеяния, и я только теперь понял, какую роль в смерти Дюкло сыграли трое мужчин. Они находились среди людей, окруживших мертвеца, но ни я, ни кто-либо другой не смог бы доказать их причастность к убийству. А смуглый знал, что оставил меня в состоянии, которое не позволит причинить ему никаких неприятностей.

Я двинулся за ним.

Эта погоня даже отдаленно не смахивала на захватывающую. Я был слаб, кружилась голова, а жуткая боль в пояснице не позволяла толком выпрямиться. Должно быть, сочетание шаткой и шаркающей походки с наклоном вперед этак градусов на тридцать придавало мне комичный вид: разбитый радикулитом старикашка ошалело трусит по движущейся ленте бог знает с какой целью.

Я был уже на середине траволатора, а смуглый — почти в конце, когда то ли инстинкт, то ли мой топот заставил его обернуться с той же кошачьей быстротой, с какой он вырубил меня минуту назад.

Сразу стало ясно, что он с легкостью отличил мою особу от всех прочих знакомых ему старикашек: левая рука в тот же миг вскинула сумку, а правая нырнула в нее. И со мной произойдет то же, что и с Дюкло, — траволатор сбросит меня (или то, что от меня останется) на пол в конце пути. Бесславная смерть.

Я недолго размышлял о том, как же это мне, безоружному, хватило глупости погнаться за многоопытным убийцей, и уже был готов броситься плашмя на ленту, но тут глушитель дрогнул, а немигающий взгляд смуглого чуть сместился влево. Не думая о перспективе получить пулю в затылок, я развернулся, чтобы узнать, куда он смотрит.

Группа людей, окружавших Дюкло, временно утратила интерес к нему и переключилась на нас. Да и странно было бы, если бы они оставили без внимания мою безумную эскападу на траволаторе. Мне хватило кратчайшего взгляда, чтобы заметить на лицах удивление и недоумение — при полном отсутствии понимания. Зато понимания было в избытке на физиономиях троицы, которая следовала за Дюкло на его пути к смерти. А еще на этих физиономиях читалась леденящая целеустремленность. Теперь преступная команда резво шагала по моему траволатору, несомненно намереваясь и меня загнать под пулю.

Сзади донеслось приглушенное восклицание, и я снова развернулся. Траволатор довез смуглого пассажира до своего края, что явно застало того врасплох: убийца шатался, пытаясь не упасть. Как я и ожидал, он очень быстро восстановил равновесие. А в следующий миг крутанулся и пустился бежать. Убить человека при десятке свидетелей — совсем не то, что на глазах у одного, никем не поддерживаемого. Хотя была у меня смутная уверенность, что он бы выстрелил, если бы счел это необходимым, и черт с ними, со свидетелями.

Решив отложить подобные размышления на потом, я снова побежал, на сей раз увереннее, уже в манере семидесятилетнего, а не девяностолетнего старика.

Смуглый, неуклонно увеличивая отрыв, неся сломя голову через иммиграционную зону, к явному замешательству сотрудников иммиграционной службы, поскольку людям не положено бежать через иммиграционные зоны, а положено задержаться, предъявить паспорт и кратко рассказать о себе, для чего они, иммиграционные зоны, и существуют. К тому моменту, когда настала моя очередь

пересечь это помещение, спешная ретирада смуглого вкупе с появлением другого бегуна — шатающегося и спотыкающегося, с окровавленным лицом — насторожили персонал аэропорта, и двое иммиграционных чиновников попытались задержать меня, но я отмахнулся от них («отмахнулся» — не то слово, которое они потом использовали в своих жалобах) и ринулся в дверь, за которой только что скрылся смуглый.

По крайней мере, я попытался там проскочить, но проклятый выход оказался заблокирован человеком, пытавшимся войти. Девушка — вот и все, что могло и хотело зафиксировать мое сознание. Просто девушка.

Я вправо, а она влево, я влево, она вправо. Банальная ситуация, такую можно увидеть практически в любую минуту на любом тротуаре, когда двое чересчур вежливых пешеходов стремятся уступить друг другу право прохода, делая это неумело, но крайне «эффективно»; если же встречаются две сверхщепетильные натуры, нелепое фанданго может продолжаться до бесконечности.

Добротным па-де-де я восхищаюсь, как заправский балетоман, но тогда мне было не до топтания, а потому после очередного неудачного обоюдного уклонения я рывкнул: «А ну с дороги!» — и, не удовлетворившись одним требованием, схватил девушку за плечо и оттолкнул в сторону. За этим вроде последовали удар о косяк и болезненный возглас, но мне было не до извинений. Их можно будет принести потом, по возвращении.

Я вернулся раньше, чем рассчитывал. Девушка отняла у меня лишь несколько секунд, но смуглому этого хватило с лихвой. Когда я добрался до переполненного вестибюля (а разве в аэропортах бывают переполненные вестибюли?), убийцы там не увидел. Да я бы и вождя краснокожих при всех регалиях не отыскал среди сотен людей, слонявшихся, как казалось, совершенно бесцельно. Не имело смысла оповещать службу безопасности: пока докажу ей свою правоту, злодей успеет преодолеть полдороги до Амстердама. Даже сумей я добиться немедленных действий, шансы задержать смуглого будут невелики: у высококвалифицированных профессионалов всегда припасены надежные пути отхода.

Я двинулся в обратный путь, но уже еле волоча ноги, — это все, на что я был теперь способен. Жутко трещала голова, но, если учесть состояние желудка, жаловаться на боль в голове было бы глупо. Взгляд в зеркало, на бледное и перепачканное кровью лицо, ничуть не улучшил кошмарного самочувствия.

Едва я добрался до места моего балетного выступления, как двое здоровяков в форме и при кобуре с пистолетом решительно схватили меня под руки.

— Вы не того сцапали, — устало проговорил я. — Так что будьте любезны, уберите лапы и дайте мне отдышаться, черт бы вас побрал.

Они заколебались, переглянулись, отпустили меня и отошли — прилично, аж на два дюйма. Я посмотрел на девушку, а после на того, кто с ней успокаивающе разговаривал, — судя по штатской одежде, на очень крупного администратора аэропорта. Затем снова на девушку, потому что глаза болели не меньше, чем голова, и мне было легче смотреть на нее, чем на мужчину рядом с ней.

Она была одета в темное платье и темное пальто; в вороте белел валик бадлона. На вид лет двадцать пять; черные волосы, карие глаза, почти греческие черты лица и оливковый оттенок кожи выдают уроженку нездешних мест. Поставьте ее рядом с Мэгги и Белиндой, и вам придется провести не только лучшие годы своей жизни, но и большинство преклонных в попытках найти сравнимую троицу. Хотя, сказать по правде, девушка в тот момент выглядела не лучшим образом. Обширным белым носовым платком, вероятно позаимствованным у администратора, она стирала с пепельного лица кровь, сочившуюся из набухшей на левом виске гематомы.

— Боже правый! — В моем голосе звучало раскаяние — вполне искреннее, ведь я, как и любой нормальный человек, вовсе не склонен к бесцеремонному нанесению ущерба произведениям искусства. — Это из-за меня?

— Ну что вы! — Голос оказался низким и хриплым, но это, возможно, по той единственной причине, что я приложил ее о косяк. — Это я утром порезалась, когда брилась.

— Чертовски сожалею. Я гнался за человеком, который только что совершил убийство, а вы очутились у меня на пути. Боюсь, он сбежал.

— Моя фамилия Шредер, я здесь работаю.

Стоявший рядом с девушкой джентльмен на вид был крепок и проныцателен, и я бы дал ему лет пятьдесят с приличным гаком. А еще он, похоже, имел заниженную самооценку — уж не знаю, отчего этим пороком страдают многие мужчины, взобравшиеся на ответственные посты.

— Нам сообщили об убийстве. Прискорбно, крайне прискорбно, что это случилось в аэропорту Схипхол.

— Ах да, ваша безупречная репутация, — кивнул я. — Надеюсь, покойник сейчас сгорает от стыда.

— Это неуместный разговор, — резко произнес Шредер. — Вы знали погибшего?

— Да откуда? Я только что сошел с самолета. Спросите стюардессу, спросите капитана, спросите десятки людей, которые были на борту. Кей-Эл — сто тридцать два, из Лондона, время прибытия пятнадцать пятьдесят пять. — Я глянул на часы. — Боже правый! Всего лишь шесть минут назад.

— Вы не ответили на мой вопрос. — Шредер не только выглядел проницательным, он и был таким.

— Я не узнаю его, если снова увижу.

— Гм... А у вас не возникала мысль, мистер... э-э-э...

— Шерман.

— Мистер Шерман, у вас не возникала мысль, что нормальные люди не пускаются в погоню за вооруженным убийцей?

— Может, я ненормальный?

— А может быть, вы тоже имеете при себе оружие?

Я расстегнул пуговицы на пиджаке и распахнул полы.

— Случаем, вы не узнали убийцу?

— Нет. Но я никогда его не забуду. — Я повернулся к девушке. — Могу я задать вам вопрос, мисс...

— Мисс Лемэй, — коротко сказал Шредер.

— Вы узнали убийцу? Должно быть, вы успели его хорошо рассмотреть. Бегущий человек всегда привлекает внимание.

— С чего бы мне его узнавать?

У меня не было желания тягаться со Шредером в проницательности. Я спросил:

— Не желаете ли взглянуть на покойника? Может, вы узнаете его? Она вздрогнула и отрицательно покачала головой.

По-прежнему не деликатничая, я осведомился:

— Встречаете кого-то?

— Не поняла...

— Вы же стояли у выхода из иммиграционной зоны.

Мисс Лемэй снова покачала головой. Выглядела она жутко — насколько это возможно для красивой девушки.

— А коли так, зачем вы здесь? Чтобы полюбоваться достопримечательностями? Так вроде иммиграционный зал Схипхола — самое невзрачное место в Амстердаме.

— Довольно! — грубо перебил меня Шредер. — Ваши вопросы нелепы, а молодой даме явно нездоровится. — Он сурово взглянул

на меня, напомнив, что это я виноват в ее проблеме. — Допрашивать — дело полиции.

— Я из полиции. — Я протянул ему паспорт и служебное удостоверение, и в тот же миг из дверей вышли Мэгги и Белинда.

Заметив меня, они остановились в растерянности и тревоге, и это было вполне объяснимо, учитывая, как я себя чувствовал — и как наверняка выглядел. Но в ответ я лишь соорудил недовольную мину — естественная реакция травмированного и сконфуженного мужчины на любопытство прохожих, — и вот уже девушки снова глядят и идут вперед. Я же опять уделил внимание Шредеру, который теперь смотрел на меня по-новому.

— Майор Пол Шерман, Лондонское бюро Интерпола. Что ж, это существенно меняет ситуацию. Теперь понятно, почему вы действовали как полицейский — преследовали, допрашивали. Но мне, конечно же, необходимо проверить ваши полномочия.

— Проверяйте все, что хотите, и со всеми, с кем хотите, — проворчал я, надеясь, что познания мистера Шредера в английской грамматике не дадут ему найти изъяны в моем фразопостроении. — Советую начать с полковника Ван де Граафа, он в Центральном управлении.

— Вы знакомы с полковником?

— Просто взял из памяти первое попавшееся имя. Вы меня найдете в баре. — Я двинулся было прочь, но остановился, когда за мной последовали два здоровяка в форме, и оглянулся на Шредера. — Я не возьмусь поставить им выпивку.

— Все в порядке, — сказал Шредер полицейским. — Майор Шерман не сбежит.

— Пока у вас мой паспорт и удостоверение, — кивнул я, а затем посмотрел на девушку. — Простите, мисс Лемэй. Похоже, для вас это стало сильным потрясением. Я виноват. Не желаете ли пропустить стаканчик вместе со мной? Судя по вашему виду, это не будет лишним.

Она снова промокнула щеку и метнула в меня взгляд, разрушивший всякую надежду на скорую дружбу.

— Вместе с вами я даже улицу не стала бы переходить, — последовал ответ.

А сказано это было так, что я заподозрил: она бы охотно пошла со мной через улицу с интенсивным движением, чтобы бросить меня на полпути. Если бы я был слепым.

— Добро пожаловать в Амстердам, — уныло проговорил я и поплелся в направлении ближайшего бара.

ГЛАВА 2

В обычной жизни я не селюсь в пятизвездочных отелях — по той банальной причине, что не могу себе этого позволить. Другое дело — зарубежные командировки: у меня практически неограниченный счет; о расходах крайне редко спрашивают и никогда не получают ответов; а поскольку работа в другой стране, как правило, утомительна, я не вижу причин отказывать себе в нескольких минутах покоя и расслабления в комфорте и роскоши самого высокого уровня.

Отель «Рембрандт», несомненно, отвечает этим условиям. Величественное, хоть и весьма вычурное, произведение архитектуры стоит на излучине одного из самых близких к центру Старого города каналов. Пышные резные балконы нависают над водой — страдающему лунатизмом постояльцу не нужно бояться, что он, сверзившись с перил, сломает шею; разве что его угораздит приземлиться на стеклянную крышу экскурсионного кораблика из тех, что очень часто проплывают мимо. Отменный вид на эти кораблики открывается из ресторана, расположенного на первом этаже и не без основания титулующего себя лучшим в Голландии.

Желтый «мерседес» подвез меня к парадному входу, и, пока я ждал, когда швейцар расплатится с водителем и заберет багаж, мое внимание привлек вальс «Конькобежцы», исполнявшийся самым дрянным образом — не в лад, невпопад и вообще до крайности фальшиво. Кошмарные эти звуки исторгала широченная, высоченная, затейливо расписанная и явно очень старинная колесная шарманка, запаркованная на другой стороне узкой улицы, причем в таком месте, где она максимально затрудняла движение транспорта. Под навесом шарманки, похоже сшитым из останков неведомого количества выгоревших пляжных зонтов, шеренгой висели куклы. Превосходного, на мой не критичный взгляд, изготовления, облаченные в разные голландские традиционные костюмы, они покачивались вверх-вниз на обрезиненных пружинках. А движущей силой им служила исключительно вибрация, присущая работе этого музейного экспоната.

Хозяином или пользователем этого пыточного орудия был очень сутулый мужчина с несколькими нечесаными седыми прядями, прилипшими к черепу. Он выглядел достаточно дряхлым, чтобы собственноручно, будучи в расцвете сил, соорудить этот инструмент, но было столь же очевидно, что в расцвете сил он не состоялся как музыкант. В руке старик держал длинную палку, к концу

которой была прикреплена круглая консервная банка, и этой жестянкой он непрестанно гремел, безуспешно пытаясь привлечь внимание щедрых прохожих. Тут я вспомнил о моем безразмерном счете, перешел улицу и уронил в банку пару монет. Не могу сказать с уверенностью, что появившаяся на его физиономии беззубая ухмылка была благодарной, но, пожалуй, знаком признательности можно было счесть то, что он закрутил валик быстрее, запустив зло-счастную «Веселую вдову».

Я поспешил снова пересечь улицу, следом за портье с моим чемоданом взошел на крыльцо, на верхней ступеньке оглянулся и получил от дряхлого шарманщика весьма старомодный поклон. Не уступая в вежливости, я ответил таким же поклоном и вошел в отель.

За стойкой ресепшен дежурил помощник управляющего — высокий, чернявый, с тонкими усиками, в безупречном фракном костюме и с приветливой, душевной улыбкой голодного крокодила. Такая улыбка мгновенно исчезнет, стоит вам повернуться спиной к ее обладателю, но обязательно возродится, причем еще более искренняя, независимо от того, насколько быстрым будет ваш обратный поворот.

— Добро пожаловать в Амстердам, мистер Шерман, — проговорил он. — Мы надеемся, что вам понравится пребывание в нашем городе.

Не имея заготовленного ответа на эту порцию пустого оптимизма, я промолчал и сосредоточился на заполнении регистрационной карточки. Администратор принял ее с такой церемонностью, будто я вручил ему бриллиант «Куллинан», и подозвал боя. Тот засеменил с моим чемоданом, раскачиваясь вправо-влево под углом порядка двадцати градусов.

— Бой! У мистера Шермана номер шестьсот шестнадцать.

Я забрал чемодан из рук явно того не желавшего «гостиничного мальчика», который годелся в младшие братья шарманщику.

— Благодарю. — Я протянул бою монету. — Уверен, я справлюсь сам.

— Но ваш чемодан, мистер Шерман, похоже, очень тяжелый.

Этот участливый протест еще больше «подкупал искренностью», чем крокодилье радушие. Чемодан и впрямь был не из легких, ведь к невинным дорожным вещам добавился вес оружия, боеприпасов и металлических инструментов для вскрытия и взлома. Но мне не хотелось, чтобы какой-нибудь хитрый субчик с хитрыми навыками

Маклин А.

М 15 Кукла на цепочке : романы / Алистер Маклин ; пер. с англ. Г. Корчагина, Е. Гуляевой, С. Сиховой, О. Степашкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 896 с. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25748-1

Алистер Маклин (1922–1987) — британский писатель, автор 28 остро-сюжетных романов и приключенческих рассказов, сценарист. Его имя широко известно читателям всего мира. Книги Маклина разошлись тиражом более 150 миллионов экземпляров, по его романам, сценариям и сюжетам было снято 18 фильмов. В 1983 году Университет Глазго присвоил писателю степень доктора литературоведения.

Герои Маклина живут и побеждают по всему земному шару, «от коммунистической Венгрии и Мексиканского залива до Сингапура, юга Франции, Сан-Франциско, Нидерландов и Северного Ледовитого океана» (kirkusreviews.com).

Флагман сборника — «Кукла на цепочке». Матерый агент Интерпола, чьи методы работы порой выходят за рамки закона, прилетает в Амстердам, чтобы разоблачить преступный синдикат. И попадает в изошренную ловушку, расставленную врагами...

Сюжет «Шлюза» связан с предыдущим романом. Террористы взрывают дамбу и угрожают затопить всю Голландию, если их требования не будут выполнены. Шеф полиции Амстердама поручает агенту под прикрытием внедриться в группировку...

У берегов Шотландии угоняют несколько судов с драгоценным грузом («Когда пробьет восемь склянок»). Готовится операция по обезвреживанию пиратов, но происходит нечто непредвиденное...

В Эгейском море терпит катастрофу самолет («Санторин»). Падение бомбардировщика с ядерным оружием на борту может вызвать извержение вулкана, цунами и ядерную зиму...

Три романа в сборнике (кроме «Шлюза») выходят в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

АЛИСТЕР МАКЛИН

КУКЛА НА ЦЕПОЧКЕ

Ответственный редактор Янина Жухлина

Редакторы Александр Етоев, Ольга Рейнгерверц, Елена Гуляева

Художественный редактор Егор Саламашенко

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Валерий Камендо, Елена Терскова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.01.2025.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru
Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MPB-34723-01-R